

М.МАКЕДОНСКИЙ

**ПЛАМЯ
НАД
КРЫМОМ**

Коневец Принц
занеклился III место по номеру
скажи многодорого, среди малыхиков
старшему группе п/чакре "Лагурин".
рд. судья: Конрад Шмидт
нагавитик п/чакре

11. VIII 69г.
2. Kep26

Македонский
пламя
над
Крымом

ВОСПОМИНАНИЯ КОМАНДИРА ЮЖНОГО СОЕДИНЕНИЯ
ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ КРЫМА

Автор этой книги — Михаил Андреевич Македонский — в годы Великой Отечественной войны был командиром Южного соединения партизанских отрядов Крыма. Ныне герой боев с немецко-фашистскими захватчиками стал Героем Социалистического Труда. С первых послевоенных лет он руководит винсовхозом «Коктебель», награжденным орденом Трудового Красного Знамени, удостоенным высокого звания совхоза коммунистического труда. Закаленный в боях с врагами человек отдает все силы и понистие неиссякаемую энергию расцвету дела, за которое он сражался вместе с братьями по оружью в партизанской строю.

Проходят годы, а былое не забывается. Эта книга — о партизанских боях, о замечательных патриотах нашей Родины, которые внесли свой посильный вклад в великую победу советского народа над гитлеровскими захватчиками.

Издание третье, дополненное и переработанное,

1-6-4
18-69М

Македонский Михаил Андреевич

ПЛАМЯ НАД КРЫМОМ

Редактор Ю. П. Черницын

Художник Э. М. Грабовецкий

Художественный редактор И. Т. Литвинов

Технический редактор Б. И. Киселев

Корректор И. В. Коскова

Сдано в набор 14.11.1969 г. Подписано к печати 21.V 1969 г. № 0232.
Бумага 84×108^½/п. Объем: 9,5 тыс. п. л., 15,96 усл. п. л., 16,68 уч.-изд. л.
Тираж 100,000 экз. (1—50 000). Заказ № 70. Цена 63 коп.
Издательство «Крым», Симферополь, ул. Горького, 5.
Типография газетного издательства Крымского обкома КП Украины.
Симферополь, проспект Кирова, 32/1.

О Т А В Т О Р А

Проходят годы, десятилетия... Время все отдаляет и отдаляет от нас грозную, героическую пору Великой Отечественной войны. Стираются в памяти детали некоторых событий, тускнеют отдельные воспоминания, но главное не забывается. Оно — в характерах людей, умеющих бороться и побеждать, стоять и выстоять там, где, казалось бы, совершенно невозможно продолжать борьбу. Как важно, чтобы подрастающее поколение знало о геронческом прошлом отцов и дедов, училось у них мужеству, наследовало их характеры и неукротимую волю к победе! Именно это и побудило меня несколько лет тому назад взяться за перо. Честно говоря, было боязно. Порой думал, что легче отразить несколько немецких атак, чем написать хотя бы главу. Но и за письменным столом я не остался в одиночестве. Меня незримо окружали испытанные боевые друзья, о которых вы узнаете из этой книги. Каждое событие, каждый эпизод партизанских будней я переживал заново. Хотелось обо всем рассказать полней и шире, ввести читателя в мир нелегкой, полной своеобразной романтики жизни народных мстителей.

И вот мой труд отдан на суд читателю. Отзывы стали поступать один за другим. Однажды получаю письмо с незнакомым обратным адресом. Пишет волжский инженер-кораблестроитель Эмилит Пасечник:

«...Я очень благодарен Вам за то, что Вы не только мужественно сражались с врагом, но и сумели так интересно, так правдиво рассказать об этом в своих воспоминаниях.

Мой отец погиб в октябре 1941 года под Ленинградом (он был капитаном, а в мирное время работал на Кировском заводе инженером). Мне тогда было одиннадцать

дцать лет... С тех пор я не пропускаю ни одной книги о Великой Отечественной войне. Хочется как можно больше узнать об этом героическом периоде истории нашей страны.

Эти книги очень нужны не только нашему поколению, но и нашим детям. По ним молодежь должна учиться мужеству, умению преодолевать невзгоды и лишения, любить свою Советскую Родину.

У меня подрастают два малыша. Хочу вырастить их хорошими ребятами, похожими на их дедов».

Приятно получать такие отзывы. Значит, удалось достичь того, чего хотелось: книга оказалась нужной. Вскоре она выдержала второе издание и теперь выходит массовым тиражом в третий раз. Мне не стыдно признаться, что я радуюсь, когда вижу свою книгу в руках у знакомых и незнакомых людей. Значит, они интересуются минувшими событиями геройской истории родного народа, значит, хотят узнать об истоках массового героизма и бессмертных подвигов.

...Как-то у нас в совхозе появились пионеры. Надо сказать, что они наносят визиты довольно часто. Юные следопыты идут по дорогам славы воинов Великой Отечественной войны, по крутым партизанским тропам. Я всегда охотно рассказываю о народных мстителях, а сам с благодарностью смотрю на лица сосредоточенных мальчишек и девчонок. Молодцы! Растите похожими на людей старшего поколения!

Скажу без преувеличения, что в наших краях ежегодно бывают тысячи молодых людей из Москвы и Ленинграда, Вологды и Архангельска, Воронежа и Киева... И всех интересует ставшая легендой партизанская боевая жизнь.

У вас в руках третье издание этой книги. Оно во многом отличается от двух предыдущих, так как мои боевые друзья дали много важных и нужных советов, подсказали забытые детали, помогли восстановить в памяти длинную цепь волнующих событий огненных лет. Особенно большое участие в этой работе приняли Х. К. Чусси, Ф. А. Якустиди, А. А. Сермуль, М. Д. Сохань, Г. К. Рябошапко, В. Л. Зайцев, Т. Х. Апостолов, Д. М. Аверьянов, В. П. Талышев и другие мои соратники-партизаны. От всей души благодарю их за то, что, как и в партизанских боях, я постоянно ощущал в работе над книгой чувство локтя, чувство дружбы, закаленной в горниле войны.

Моим друзьям — крымским партизанам,
нашим детям, за счастье которых мы сражались,
посвящаю эту книгу.

Автор

ПО ВЕЛЕНИЮ СОВЕСТИ

На мое заявление с просьбой об отправке на фронт райвоенком снова ответил отказом. Это было уже пятое или шестое заявление, и я решил лично переговорить с секретарем райкома. «Уж кто-кто, а Василий Ильич сумеет понять, что мое место в армии, а не на тыловых работах», — утешал я себя.

Василий Ильич Черный был для меня образцом партийного работника. Да и не только для меня. Человек незаурядного ума и организаторских способностей, он умел находить ключи к сердцам людей, пользовался большим уважением у бахчисарайцев.

Секретарь райкома встретил меня приветливо и буквально забросал вопросами. В ту пору я работал на строительстве дороги в Бешуй-копи, и Василий Ильич принял с пристрастием расспрашивать меня, нельзя ли ускорить сдачу дороги в эксплуатацию. Его интересовало все: и обеспеченность транспортом, и снабжение, и организация труда, а самое главное—настроение людей, их быт, отношение к работе.

— Народ не считается ни со временем, ни с усталостью,— отвечал я секретарю.— Работу, которую раньше выполняли за два-три дня, теперь успеваем сделать за сутки. Люди знают, как тяжело нашим бойцам, и работают не покладая рук, словно они тоже на фронте.

— Говоришь, «на фронте»? — задумчиво переспросил Василий Ильич. — А сам небось пришел в армию прощаться. Я ведь знаю о всех твоих заявлениях в военкомат.

На этот раз секретарь райкома поймал меня что называется на слове. Но я все-таки стал настойчиво доказывать, что мое место — на передовой.

— Вот что, товарищ Македонский, — перебил меня Черный, — мне тоже хочется быть сейчас там, но мы с тобой коммунисты. А партия сказала, что наше с тобой место — здесь. То, что мы делаем, так же необходимо для разгрома врага, как и боевые операции армии. И здесь и там нужны люди. Сам видишь, что в тылу не легче, чем на фронте.

Да, я это видел. Люди — и на промышленных предприятиях, и в колхозах, и у нас на стройке — повсюду работали самоотверженно, не жалея сил. А после трудового дня шли на занятия в отряды народного ополчения и истребительные батальоны. Особенно тяжело приходилось женщинам. На их плечи легли уборка урожая и другие хозяйствственные заботы, строительство дзотов, рытье окопов, граншей, противотанковых рвов и других местных оборонительных сооружений.

— Все это понятно, — не сдавался я. — Но все же нет никакой необходимости держать меня на дорожном участке. Для чего мы продолжаем строить дорогу и занимаем на ней столько людей? Как бы не получилось, что построим для врага...

— Раз и навсегда запомни, — более строго перебил меня Василий Ильич. — Эта земля наша, и мы ее вечные хозяева. Война есть война. Может быть, немцы придут и сюда, в Бахчисарай. Но ты, я и все, кто сейчас с нами, были и будем здесь хозяевами. Мы представляем тут нашу партию, и, пока мы живы, вместе с нами будет жить и Советская власть.

— Значит, в случае чего остаемся здесь?

— Может быть. По-моему, в обкоме об этом думают, но сам понимаешь: время военное, и нельзя прежде времени раскрывать планы...

Об этих планах я узнал лишь спустя некоторое время. Оказывается, еще в начале июля 1941 года обком партии созывал совещание секретарей горкомов и райкомов партии, на котором обсуждались мероприятия по подготовке к активной обороне Крыма и вопрос о создании подполья и партизанских отрядов на случай оставления полуострова советскими войсками. Василий Ильич, конечно, знал о решениях обкома, и после разговора с ним стало ясно: нужно ждать и готовиться к борьбе в тылу врага.

Ждать пришлось недолго. Война все ближе и ближе подходила к Бахчисараю. Ее тревожное дыхание ощущалось и в зареве пожарищ, которые полыхали в рай-

оне Перекопа, и в тревожных сводках Совинформбюро, и в безрадостных письмах, приходивших с фронта. И вот я снова в кабинете секретаря райкома. На этот раз Василий Ильич сам вызвал меня.

Было раннее утро, городок только начинал просыпаться, а в райкоме, как видно, уже побывало немало народа. Об этом свидетельствовали и густые клубы дыма в приемной, и груды окурков на столе технического секретаря.

— Ну вот, Михаил, пришла и наша пора,—обратился ко мне Черный, едва я переступил порог. — Есть решение готовить партизанский отряд. Борьба предстоит суровая и жестокая, поэтому будем зачислять в партизаны только добровольцев. Как настроение? Готов?

Сейчас, спустя два с лишним десятилетия, я снова и снова задаю себе этот вопрос. Был ли я готов к партизанской жизни в ту суровую осень 1941 года? Что я знал о партизанах и методах партизанской борьбы в начале войны? Никакой специальной подготовки у меня, как и у моих товарищ, не было. Все наши познания ограничивались прочитанными когда-то книгами о партизанах гражданской войны да полузабытыми кинофильмами. Но этого было явно недостаточно для того, чтобы успешно воевать против вооруженного до зубов врага вдали от линии фронта.

Но в ту пору мне некогда было размышлять об этом. На вопрос секретаря райкома партии я ответил не задумываясь, как подсказало сердце: «Да, готов!»

К такому ответу меня подготовила сама жизнь. Как и другие мои сверстники, я имел за плечами большой опыт классовой борьбы, был готов преодолеть любые лишения ради счастья жить свободным гражданином на свободной земле.

Меня не нужно было убеждать в том, что фашисты злейшие враги советского народа. Будучи коммунистом, я отлично понимал, что нам с фашистами никогда не жить вместе на этой земле. Или они, или мы — так стоял вопрос. И уж раз началась схватка, нужно быть там, где можно принести наибольшую пользу для достижения победы. А опыт... это дело наживное. Опыт приобретается на практике.

Долго длилась наша беседа с секретарем райкома в то памятное для меня утро. Речь шла о причинах наших временных неудач на фронте, о возможном прорыве гит-

леровских войск в Крым, о героизме советских людей в борьбе против фашистских захватчиков.

— Мы сейчас вынуждены отступать, — говорил Василий Ильич, — но пусть гитлеровцы не торжествуют: им никогда не сломить нашей воли к победе. Помнишь, как сказал Ленин: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».

Вдумываясь в смысл этих пророческих ленинских слов, я невольно вспомнил всю свою жизнь, начиная с детских лет...

День, когда окончилось мое детство, я помню, как сейчас: это было в 1914 году. На рассвете меня разбудил отец. Он положил на мою голову тяжелую ладонь и тихо сказал:

— Вставай, сынок, пора.

Я открываю глаза и вижу руки отца. Они большие, покрытые морщинами и несмыываемой угольной пылью. Вспоминаю вчерашний разговор. Говорили о том, чтобы отправить меня на заработки. Мне уже исполнилось десять лет, надо помогать отцу кормить семью. А семья у нас большая — десять детей. Братишки и сестренки — мал мала меньше.

Прокормить такую ораву одному отцу трудно. Наша семья всю жизнь мечтала о своем клочке земли, о собственном хлебе. Но земли у отца нет. Мы бедняки. На паре заморенных лошаденок отец занимался «извозом», развозил по домам старокрымских жителей уголь, дрова, все, что придется.

Жили мы, как говорится, перебиваясь с хлеба на квас. Однако меня и сестренку отец послал в школу. Родители наши готовы были терпеть любую нужду, лишь бы их дети были грамотными. В том году царь начал войну, все сильно подорожало, и пришлось идти на работу и мне.

На тряской телеге я покидал в это летнее утро дом отца. Около ворот стояла окруженная ребятишками заплаканная мать, возле телеги молчаливо суетился отец. Перед тем как тронуть лошадей, он, будто взрослому, пожал мне на прощанье руку:

— Смотри там, не балуй.

Неразговорчив был мой отец, но я и без слов хорошо понимал, что у него на душе.

Вечером следующего дня я стоял перед хозяином экономии Янсоном. Немец оглядел меня с головы до ног и недовольно сказал:

— Пудешь работайт, как и фсе.

Из этих слов я понял, что скидки на возраст мне не будет.

Первое время было очень трудно. Приходилось направне со взрослыми батраками ходить за плугом и бороной, вязать снопы за жаткой-лобогрейкой, работать на молотилке, скирдовать солому, носить мешки с зерном.

Все годы, которые я пробыл у Янсона, были заполнены трудом. Я пахал землю, убирал урожай, но была эта земля мне чужая, а все, что родила она, принадлежало не мне. Осенью, в конце сезона, после многочисленных вычетов на руки выдавались гроши. Мечта о собственной земле и хлебе так и оставалась мечтой.

Советская власть пришла в наши края вместе с декретом о земле. Повсюду крестьяне получали наделы. Получили право на землю и мы — три сотни батраков, работавших у Янсона.

Но что мы могли сделать с этой землей? Кроме пары рук, каждый из нас не имел ничего. Чтобы обработать и засеять поле, нужны плуг, лошадь, семена и многое другое. Было ли это у батрака? Не было.

В памятном 1921 году от голода умерли мои родители, еще раньше умер старший брат. Вся забота о сестрах и братьях легла на мои плечи.

В 1924 году я вступил в комсомол. Нам указали новый путь — надо организовать артель по совместной обработке земли. В деревне Темир (ныне Ястребовка Красногвардейского района) создалась первая батрацкая артель. С тех пор круто изменилась моя жизнь. Земля, отобранная у Янсона, стала нашей, теперь общими силами мы могли обработать ее, засеять и собрать урожай.

Осенью я получил первый в моей жизни собственный хлеб. Одел и отправил в школу сестер и братьев, обзавелся хозяйством.

Через два года, уходя в ряды Красной Армии, я уже не беспокоился о своих младших братьях и сестрах, оставляя их в артели, как в родной семье.

Три года, проведенные в частях червонного казаче-

ства, дали мне много. Я приобрел боевую закалку, расширил свой политический кругозор, стал грамотнее. И когда вернулся в свой родной колхоз, односельчане избрали меня председателем сельского Совета. В 1930 году я вступил в Коммунистическую партию.

О годах коллективизации и борьбе с кулачеством написано немало книг, нет нужды снова рассказывать об этом. Это были для меня, как и для всех коммунистов того времени, годы суровой борьбы и большого напряжения.

Жизнь постепенно наладилась. Окрепли колхозы и совхозы, красивее и благоустроеннее стали наши города, в деревне появились электричество, радио, кино, книги.

Я вправе считать себя ровесником Советской власти, хотя и родился несколько раньше, в 1904 году. Я рос вместе с молодой Советской республикой и ей обязан всем. Партия и комсомол сказали нам тогда: вы стали хозяевами своей земли — владейте ею, укрепляйте Советскую власть, защищайте ее от врагов. Как лозунг носили мы в своих сердцах слова известной песни:

Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет!

И вот эта пора пришла. Мог ли я остаться в стороне, когда вся страна превратилась в единый боевой лагерь?

— Я рад, что партия доверяет мне трудное и ответственное дело, — вырвалось у меня, когда мы прощались с секретарем райкома. — Приложу все силы, чтобы оправдать это доверие.

Это была моя первая партизанская клятва.

— Я тоже рад, — ответил Василий Ильич. — Это самая высшая радость — верить в человека и знать, что ты в нем не ошибся...

Так решился вопрос о моем месте в Великой Отечественной войне. Начались полные хлопот дни подготовки к суровым боям в тылу гитлеровских захватчиков.

ПЕРВЫЕ БОИ

Подготовка к борьбе в тылу врага проходила под руководством областного комитета партии. По решению обкома вся горно-лесная часть Крыма была разделена